

Granovskii, T. N.

0

СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ И ЗНАЧЕНІИ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ.

ПРОИЗНЕСЕННАЯ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ОРИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ,

с/г *Тѣмиславъ Грановскій.*

12-го Января 1852 года.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1852.

TK

D13
G7

Напечатано по определению Университетского Совета.

Секретарь Совета А. Жижарев.

ММ. ГГ.!

Московскій Университетъ, alma mater всѣхъ однородныхъ заведеній въ Россіи, привыкъ къ просвѣщенному участию Русскаго общества. Ваше постоянное присутствіе на праздники, которымъ замыкается истекшій и начинается новый академическій годъ, служитъ доказательствомъ, что участіе это не хладѣетъ. Въ свою очередь, Университетъ встрѣчаетъ Васъ, не какъ равнодушныхъ гостей: онъ предлагаетъ на судъ Вашъ образцы умственной дѣятельности своихъ членовъ и отдастъ Вамъ честный и правдивый отчетъ во всемъ, что было совершено имъ въ теченіи прибавившагося къ его жизни года. Скоро представитъ онъ цѣлой Россіи итоги, выведенные изъ ста такихъ отчетовъ и съ законною гордостью расскажетъ ей похвѣсть своего вѣковаго служенія великимъ идеямъ истины и добра.

Находясь на очереди для произнесенія предъ Вами въ нынѣшнемъ году обычнаго слова, я избралъ себѣ предметомъ современное состояніе и значеніе той науки, которой имѣю честь быть преподавателемъ.

Вопросы о теоретическомъ значеніи Исторіи, о приложеніи ея уроковъ къ жизни, о средствахъ, которыми она можетъ достигать своихъ дѣйствительныхъ или извнѣ ей поставленныхъ цѣлей, не

повы. Они обращали на себя внимание великих умов древняго міра и составляют неистощимое содержаніе ученых преній въ наше время. Важность этихъ вопросовъ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что они находятся въ тѣсной связи съ задачею нравственнаго и умственнаго образованія, слѣдовательно съ цѣлою участію будущихъ поколѣній.

По кореннымъ условіямъ своей жизни, Востокъ не могъ принять участія въ рѣшеніи вопросовъ такого рода. Они никогда не входили въ сферу, въ которой сосредоточена дѣятельность восточной мысли. Азіатскимъ народамъ не чужда врожденная человѣку потребность знать свое прошлое, но ихъ лобознательность находитъ легкое удовлетвореніе въ родословныхъ спискахъ, въ простыхъ перечняхъ событій и въ историческихъ пѣсняхъ. Содержаніе этихъ памятниковъ, представляя обильный, хотя болѣею частію однообразный матеріалъ стороннему изслѣдователю, не могло на той почвѣ, которой принадлежитъ по происхожденію, уясниться до науки или облечься въ формы художественныхъ произведеній. Лѣтописи и пѣсня могутъ, конечно, быть вѣрнымъ отраженіемъ народнаго быта, но онѣ не въ состояніи служить орудіями умственнаго образованія. Онѣ живо и любовно напоминаютъ народу прошлое, не приводя его къ яеному сознанію настоящаго. Требуя отъ исторіи разсказа, а не поученій, Востокъ довольствовался самыми бѣдными, хотя соотвѣствующими его общественному развитію формами историческаго преданія. Единственное исключеніе составляютъ священныя книги Евреевъ. Мы говоримъ здѣсь не о вѣчномъ, стоящемъ выше человѣческихъ сужденій значеніи Библии, но о томъ богатствѣ нравственныхъ назиданій, житейской мудрости и глубокой поэзіи, которыми она преисполнена. Изъ этого источника черпало разсѣянное теперь по лицу земли племя ту дивную крѣпость, которую оно противопоставляло всѣмъ испытаніямъ своей злополучной исторіи. Но по самому свойству своему, Божественный памятникъ, составляющій нынѣ духовную родину обреченнаго на скитаніе въ чужбинѣ Еврея, не могъ войти въ составъ предлагаемыхъ Вамъ, Мм. Гг., изслѣдованій. Ихъ исходною точкою будетъ древній, классическій міръ.

Греки и Римляне смотрѣли на исторію другими глазами нежели мы. Для нихъ она была болѣе искусствомъ, чѣмъ наукою. Такое воззрѣніе естественнымъ образомъ вытекало изъ цѣлаго порядка вещей и основныхъ началъ античной образованности. Задача Греческаго историка заключалась преимущественно въ возбужденіи въ читателяхъ нравственнаго чувства или эстетическаго наслажденія. Съ этою цѣлью соединялась нерѣдко другая, болѣе положительная. Политическіе опыты прошедшихъ поколѣній должны были служить примѣромъ и урокомъ для будущихъ. «Я буду удовлетворенъ, говорить Фукидидъ, если трудъ мой окажется полезнымъ тому, кто ищетъ достовѣрныхъ свѣдѣній о прошедшемъ, а равно и о томъ, что по ходу дѣлъ человѣческихъ можетъ повториться снова¹» Это практическое направленіе выразилось еще съ болѣею силою въ произведеніяхъ Римскихъ историковъ; но въ лучшія времена Римской литературы оно всегда соединялось съ нравственно-эстетическими цѣлями. Тѣсная связь исторіи съ жизнію, черпавшей изъ нея многостороннее назиданіе, сообщала нашей наукѣ важность, которой она, при всѣхъ сдѣланныхъ ею съ тѣхъ поръ успѣхахъ, не имѣетъ въ настоящее время. Назвавъ ее наставницею жизни², Цицеронъ выразилъ господствовавшее у древнихъ воззрѣніе. Они вѣрили въ могущество примѣровъ. Ихъ жизнь, далеко не такъ сложная какъ жизнь новыхъ народовъ, не рѣдко повторяла одни и тѣже явленія и такимъ образомъ открывала возможность прилагать къ дѣлу опыты минувшаго. Римскому гражданину, особенно въ послѣдній періодъ республики, во время ея высочайшаго могущества, нельзя было обойтись безъ обширной исторической образованности. Безъ нея невозможна была никакая политическая дѣятельность. Такое понятіе о практическомъ значеніи исторіи сохранилось при императорахъ. Самое рѣзкое и вполнѣ подтверждающее наши слова свидѣтельство находится въ биографіи Александра Севера, написанной Эліемъ Лам-

¹ I. 22.

² *Historia testis temporum, lux veritatis, vita memoriae, magistra vitae, nuntia vetustatis.* Cicero de orat. II. 9.

придіємъ: «Северъ» особенно пользовался совѣтами мужей, знавшихъ исторію, и спрашивалъ у нихъ, какъ поступали въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ шла рѣчь, древніе Римскіе императоры или вожди другихъ народовъ³».

При господствѣ такихъ направленій, произведенія древней исторіографіи не могли походить на ученныя сочиненія новаго времени, болѣе или менѣе носяція на себѣ печать кабинетной работы. Историки Греціи и Рима принадлежали преимущественно высшимъ слоямъ общества⁴ и часто описывали такія событія, въ которыхъ были личными участниками или свидѣтелями. Они старались сообщить разсказамъ своимъ какъ можно большую красоту и ясность, сдѣлать ихъ доступными для сколько можно большаго числа читателей. Изящная форма составляла необходимое условіе значительнаго успѣха. Но подъ изяществомъ формы разумѣлась не одна красота изложенія, а художественное, на основаніи общихъ законовъ искусства совершенное построеніе матеріаловъ. Исторія, по словамъ Лукіана, родственница поэзіи, а историкъ долженъ походить на ваятеля, который не создаетъ мрамора или металла, но творчески соображаетъ имъ прекрасный образъ⁵. Въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ о формахъ, свойственныхъ историческимъ сочиненіямъ и объ отношеніи ихъ къ искусству вообще, высказался складъ ума обоихъ народовъ классической древности. Греки требовали преимущественно поэтической, Римляне риторической стихіи⁶. Последняя, впрочемъ, была неизбежна вслѣдствіе того значенія, какое краснорѣчіе имѣло въ античной государственной жизни.

³ Maxime Severus ad consulendum adhibuit eos qui historiam norant, requirens quid in talibus causis; quales in disceptatione versabantur, imperatores vel Romani, vel aliarum gentium fecissent. Aelius Lampridius in Sev. c. 16. Можно подумать, что эти опытные въ исторіи мужи составляли родъ тайнаго совѣта при Императорѣ.

⁴ L. Otacilius Pilius (qui Cneium Pompeium M. docuit) primus omnium libertinorum, ut Cornelius Nepos opinatur, scribere historiam orsus, nonnisi ab honestissimo quoque scribi solitam. Sueton. de clar. orator. c. 3.

⁵ Quomodo Historia sit conscribenda cap. 45 et 51.

⁶ Ulrichi, Charakteristik der antiken Historiographie. p. 301. 302.

Игива такимъ образомъ въ виду или ту сторону духа, на которую дѣйствуетъ искусство, или сферу практической, гражданской дѣятельности, исторія уклонилась отъ строгого характера науки. Исслѣдованіе въ настоящемъ смыслѣ этого слова, критика фактовъ, почти не существовали. Ихъ мѣсто заступали у великихъ писателей природная, укрѣпленная навыкомъ, способность отличать истинныя извѣстія отъ ложныхъ и вѣрный взглядъ на происшествія. Къ тому же лучшія произведенія древнихъ историковъ суть монографіи, объемяющія одно какое нибудь великое событіе или рядъ связанныхъ между собою внутреннимъ единствомъ явленій. Понатіе о всеобщей исторіи, соединяющей въ одно цѣлое разрозненные семьи человеческого рода, было чуждо языческому міру и могло возникнуть не иначе какъ подъ вліяніемъ Христіанства. Замѣчательная мысль Полибія о недостаточности частныхъ исторій, по которымъ, говоритъ онъ, также мало можно судить объ общемъ ходѣ Исторіи, какъ по отдѣльнымъ членамъ тѣла о красотѣ цѣлаго организма⁷, не отозвалась даже въ его собственномъ трудѣ, равно какъ осталось безъ исполненія обѣщаніе Діодора сицилійскаго⁸ рассказать судьбы всего міра какъ исторію одного государства. За то простота и опредѣленность содержанія ставили древняго писателя въ весьма свободное отношеніе къ предмету. Одушевленіе, съ которымъ онъ приступалъ къ дѣлу, не охлаждалось предварительною повѣркою многочисленныхъ и разнообразныхъ источниковъ, изъ которыхъ заимствуетъ свои свѣдѣнія новый историкъ. Рѣзко обозначенную цѣль труда не заслоняли сложныя, не прямо къ ней относящіяся явленія. Фукидидъ передалъ намъ въ безсмертномъ твореніи своемъ весь ходъ Пелопонесской войны, но не счелъ нужнымъ упомянуть о внутренней жизни Афинъ въ то время, о блестящемъ развитіи искусствъ и науки. Недостатокъ полноты искупается у него единствомъ содержанія и возможною только при такомъ условіи строгою красотою формы. При современныхъ понятіяхъ о задачѣ Историка, по-

⁷ Prooem.

⁸ I. 3.

добное ограниченіе предмета едва ли можетъ быть допущено. Но древніе, какъ сказано выше, разсматривали событія не съ всемірно-исторической, а съ національной точки зрѣнія, не допускали другой связи явленій кромѣ такъ называемой прагматической и не входили въ разборъ безчисленныхъ пружинъ, которыми движутся человѣческія общества. Они безъ труда подымали легкую ношу историческихъ матеріаловъ завѣщанныхъ имъ предшественниками и смѣло подчиняли ее своимъ личнымъ нравственно-эстетическимъ или гражданскимъ цѣлямъ. Греческій или Римскій историкъ не скрывается за описываемыми имъ событіями: напротивъ, онъ вноситъ въ разсказъ свою личность и употребляетъ все доступное ему искусство для передачи читателямъ собственнаго воззрѣнія на данный предметъ. Не возвышаясь до созерцанія общихъ судебъ человѣчества, древніе свели исторію на степень эпизодическаго изложенія, и оставили въ этой сферѣ великолѣпные памятники, которыхъ недосягаемая красота не должна служить укоромъ новому историку, имѣющему предъ собою рѣшеніе другихъ, болѣе сложныхъ вопросовъ.

Необозрима масса накопившихся въ теченіи тысячелѣтій источниковъ нашей науки можетъ навести страхъ на самого смѣлаго и предприимчиваго изслѣдователя. А между тѣмъ эта масса ежедневно увеличивается открытіемъ неизвѣстныхъ памятниковъ, или поступленіемъ въ ученый оборотъ такихъ, на которые до сихъ поръ не было обращено надлежащаго вниманія. У всѣхъ Европейскихъ народовъ замѣтно однообразное стремленіе собрать въ одно цѣлое всѣ сохранившіяся свидѣтельства и преданія о своей старинѣ. Великіе труды французскихъ Бенедиктинцевъ и отдѣльных ученыхъ XVII и XVIII вѣка блѣднѣютъ предъ однородными предпріятіями нашего времени. Просвѣщенное участіе правительствъ даетъ средства къ осуществленію начинаній неисполнимыхъ силами частныхъ лицъ. Одновременно съ превосходными изданіями лѣтописей и государственныхъ актовъ Европейскихъ державъ предпринимаются въ другія части свѣта ученые экспедиціи, раскрывающія передъ нами тайны погибшихъ цивилизацій и народностей. Безчисленные

монографіи доводять до свѣдѣнія большинства читателей результаты новыхъ открытій и показываютъ ихъ отношенія къ предшествовавшему состоянію науки. Самый кругъ историческихъ источниковъ безпрестанно расширяется. Сверхъ словесныхъ и письменныхъ свидѣтельствъ всякаго рода, отъ народной нѣсни до государственной грамоты, онъ принимаетъ въ себя памятники искусства и вообще всѣ произведенія человѣческой дѣятельности, характеризующія данное время или народъ. Можно, безъ преувеличенія сказать, что нѣтъ науки, которая не входила бы своими результатами въ составъ всеобщей Исторіи, имѣющей передать всѣ видоизмѣненія и вліянія, какимъ подвергалась земная жизнь человѣчества. Но изнемогая съ одной стороны подъ обременительнымъ богатствомъ матеріаловъ, которыхъ одолѣть вполне не въ силахъ никакое трудолюбіе, историкъ часто поставленъ съ другой стороны въ необходимость замѣнять собственными предположеніями и догадками совершенное отсутствіе письменныхъ свидѣтельствъ. Ясно, что, при настоящемъ состояніи исторіи, она должна отказаться отъ притязаній на художественную оконченность формы, возможной только при строгой опредѣленности содержанія, и стремиться къ другой цѣли, т. е. къ приведенію разнородныхъ стихій своихъ подъ одно единство науки.

Совершено ли ею это дѣло? смѣемъ сказать, что нѣтъ. Всѣ вышедшія въ теченіи нынѣшняго столѣтія сочиненія о всеобщей Исторіи, какъ бы ни велика была пріобрѣтенная ими слава, служатъ оправданіемъ нашего отрицательнаго отвѣта. Начиная отъ 24-хъ книгъ о всеобщей исторіи Іоганна Мюллера, такъ мало оправдавшихъ высокія ожиданія возбужденныя именемъ и обѣщаніями автора, до многотомнаго, но незначительнаго и не стоящаго своей извѣстности сочиненія Канту, мы видѣли рядъ болѣе или менѣе неудачныхъ попытокъ осуществить идеаль всеобщей исторіи. Въмѣнять эту неудачу безсилію писателей было бы несправедливо, въ виду великихъ успѣховъ, совершенныхъ исторіею съ начала нынѣшняго столѣтія. Причины лежатъ глубже. Онѣ заключаются въ отсутствіи строгого метода и въ недовольно ясномъ сознаніи настоящихъ цѣлей нашей науки.

Величайший историк XIX столетия, Нибуль глубоко чувствовал эти недостатки, и никто не может стать на ряду съ нимъ относительно заслугъ оказанныхъ Исторіи. Здѣсь рѣчь идетъ не о результатахъ его изслѣдованій о Римской древности, а объ усовершенствованномъ имъ методѣ исторической критики и о цѣломъ его воззрѣніи на науку. Можно сказать, что критика была до него дѣломъ личнаго таланта, какъ у древнихъ. Превосходство новыхъ заключалось въ большей начитанности и въ приобретенномъ навыкѣ обращаться съ огромнымъ матеріаломъ. Точныхъ и всѣмъ общихъ приемовъ не было. Ихъ создалъ Нибуль, работая надъ Римской исторіею. Замѣтимъ однако, что его постигла участь нерѣдко бывающая удѣломъ великихъ людей на пути открытій и изобрѣтеній. Колумбъ унесъ съ собою въ могилу убѣжденіе, что онъ нашелъ путь къ восточному берегу Азии. Мнѣніе Нибура о древнѣйшихъ памятникахъ Римской исторіи извѣстно: онъ полагалъ, что эти памятники, содержащіе въ себѣ самыя положительныя и достовѣрныя свѣдѣнія, подвергались измѣненіямъ и порчѣ подъ перомъ позднѣйшихъ Римскихъ писателей. Задача критики состояла слѣдовательно въ разложеніи риторическихъ разсказовъ Ливія на ихъ простѣйшія составныя части и въ возстановленіи первобытныхъ источниковъ. Такая цѣль очевидно не могла быть достигнута, но преслѣдуя ее, Нибуль нашелъ настоящіе законы исторической критики. Онъ показалъ намъ, какъ должно разбирать источники и въ какой степени они заслуживаютъ довѣріе. Вліяніе его примѣра не замедлило обнаружиться. Черезъ тринадцать лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ перваго изданія Римской исторіи, явилась критика новыхъ историческихъ писателей Ранке⁹, небольшое, но образцовое сочиненіе, въ которомъ съ блестящимъ успѣхомъ приложены къ дѣлу уроки великаго учителя. Въ настоящее время Ранке есть главный представитель исторической критики въ Германіи. Его многочисленныя ученики образовали школу, которой дѣятельность устремленная пре-

⁹ Leop. Ranke, zur Kritik neuerer Geschichtschreiber. 1824.